

A large Russian nuclear icebreaker ship, likely the Arktika, is shown from a low angle, sailing on the ocean. The ship's hull is dark blue and heavily rusted, especially along the waterline. The superstructure is complex, with multiple decks, masts, and antennas. The sky is blue with white clouds. The ship is moving towards the viewer, creating a wake in the water.

Максим Орлов

**Якорь, что не
ржавеет»**

Максим Орлов

Якорь, что не ржавеет»

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Якорь, что не ржавеет» / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Старого каперанга Степана Ковалья и его списанный ЭМ «Бесстрашный» отправили на дно Балтики ради чужих грязных секретов. Штаб сделал из экипажа кровавую заглушку для контрабандного канала. Но вместо небытия Коваль проваливается в «Слепую зону» — расколотый параллельный мир, где больше нет государств, а выпотрошенными водами правит безжалостный Корпоративный Синдикат. Здесь всё подчинено холодному расчету, квотам на жизнь и алгоритмам ИИ. Единственные, кто бросает им вызов — Вольная эскадра, пиратская армада на ржавых кораблях прошлого века, не желающая сдаваться в цифровое рабство. В этом мире Коваль встречает друга, ради мести за которого пошел на смерть, и находит свой старый ЭМ «Дерзкий», давно распиленный на металлолом в родной реальности. Осознав, что предательство адмиралов было лишь сделкой с Синдикатом, старый офицер принимает командование. Против него — лазеры, композитная броня и стотысячетонные автономные ИИ-дредноуты. У него — мазут, порох, советская сталь и экипаж.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Шторм	9
Глава 2. Призрак в железе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Якорь, что не ржавеет»

От автора

Мы живем в эпоху стерильных технологий. Наши смартфоны считают за нас пульс, умные колонки включают свет, а дроны доставляют посылки. Все становится гладким, бесшумным, композитным и... бездушным. Идея этой книги родилась из тоски по тяжелому, настоящему металлу. По механизмам, которые пахнут машинным маслом, дышат жаром турбин и требуют от человека не нажатия на сенсорный экран, а грубой физической силы и понимания их «характера». Я всегда верил, что у кораблей есть душа. Они впитывают в себя эмоции тех, кто стоял на их палубах, кто латал их пробоины и шел на них в бой. Степан Коваль — это собирательный образ той самой «старой школы», людей, которых современный мир часто списывает со счетов, называя их неэффективными или отставшими от времени. Но когда система дает сбой, когда идеальные алгоритмы сталкиваются с нелогичным, первобытным хаосом, именно такие люди встают у штурвала. Эта история — дань уважения военно-морскому флоту, корабельным механикам, артиллеристам и всем тем, кто знает цену настоящей дружбе, морскому братству и верности долгу, даже если Родина, которой ты присягал, предала тебя. Спасибо, что прошли этот шторм вместе со мной и экипажем «Дерзкого». Пролог. «Якорь, что не ржавеет»

Над Балтикой висела серая, многослойная пелена — низкая облачность прижималась к воде, смешиваясь с густым туманом, который шёл с Финского залива и ложился на поверхность маслянистыми клочьями.

Ветер северо-западный, шесть баллов, порывами до девяти — он гнал полутораметровую волну в скулу, заставляя старый корпус зарываться носом в гребни. Видимость не превышала трёх кабельтовых, но гидролокатор уверенно держал три цели: сторожевые корабли противника с палубными дронами, которые, судя по акустическому профилю, начали ставить противоторпедную сеть в узком проходе между подводными банками.

Барометр падал: к вечеру ожидался шторм, но Ковалю было плевать — его последний выход должен был закончиться до того, как небо окончательно смешается с водой. Тишина в центральном посту стояла такая, что сквозь вой вентиляции было слышно, как ржавчина проедает сталь.

Она превращала сварные швы в пористые каналы: солёная влага сочилась внутрь, смешиваясь с конденсатом, который стекал по переборкам. Старый «Бесстрашный», трижды спитсанный по актам технического освидетельствования и проданный частникам под видом металлолома, тяжело работал корпусом в маслянистой воде.

Каждый удар волны о скулу отдавался в шпангоутах глухим стоном — железо помнило свои былые походы и не желало принимать участие плавучей мишени.

Северный ветер пробирался сквозь неплотности вентиляционных шахт, вымораживая машинное отделение до фундамента турбин; термометр за бортом показывал минус два, но с учётом ветрового фактора температура падала до минус десяти, и капли воды, попадавшие на палубу, тут же превращались в ледяную корку. Капитан второго ранга в отставке Коваль стоял у карты на штурманском столе.

Единственная лампа с зелёным абажуром бросала тусклый круг света на кальку, на которой были нанесены последние координаты, переданные штабом перед выходом. Пальцы, навечно пропитанные соляжкой и густо испещрённые морщинами, сжимали огрызок карандаша, оставлявший на карте жирные линии расчётов — он уже знал, что курс, предписанный приказом, ведёт прямо в центр сети.

На переборке над пультом гидроакустики висело пожелтевшее фото, закреплённое под стеклом двумя ржавыми саморезами: бортовой номер «Дерзкого», того эсминца, который пустили на иголки в девяносто третьем.

Тогда Коваль стоял на ходовом мостике, глядя, как снимают «Гром» и «Молнию», а палуба дрожала от работы кранов, выдиравших из корабельной плоти оборудование.

Теперь здесь пахло не морем — йодом и водорослями. Здесь воняло мазутом, горелой изоляцией и тем особым, тягучим запахом старого металла, который уже смирился со своей участью.

С докладом подошёл молодой лейтенант — глаза красные от недосыпа и ветра, который хлестал его на верхней палубе.

Он доложил ровно, почти без интонации: — Три контакта. Сторожевики с палубными дронами. Вышли на дистанцию активного гидролокатора. Начали выкладку сети. Визуальной видимости нет — туман усиливается, но гидроакустика держит их на тридцати кабельтовых.

Коваль кивнул - Сеть означала ловушку. Адмиралы из главного штаба сидели в тепле кабинетов, попивая чай и наблюдая за манёврами на экранах.

Они решили, что старый «Бесстрашный» и его экипаж из списанных неудачников, зеков и беглых контрактников — идеальный расходник.

Отвлекающий манёвр под грифом «совершенно секретно». Это было самоубийство ради отчётности, прикрытое флагом оперативной необходимости, но Коваль знал это ещё до выхода — в порту, когда нарочный из штаба вручил ему пакет, адресованный лично, с надписью «Вскрыть перед боем» он достал этот пакет из внутреннего кармана фланелевки сейчас, разорвал сургучную печать и пробежал глазами по тексту, освещая его зелёным светом лампы.

Выписка из судового журнала базы за вчерашнее утро.

Сухая, казённая строка: «Лейтенант-связист Игнат Ланской. Причина смерти: отказ сердечной деятельности при транспортировке в следственный изолятор. Тело кремировано согласно протоколу утилизации биологических отходов».

Дата, подпись, гербовая печать. Коваль не поверил. Он знал Ланского двадцать лет — тот был здоров как бык, и его сердце не могло отказать просто так. Это была фальшивка. Адмиралы подбросили её, чтобы выбить его из колеи, заставить действовать импульсивно или, наоборот, сдаться, но они просчитались: извещение о смерти друга не сломало Ковалья — оно лишь подтвердило его догадку.

Их послали сюда не только как расходник. Им предстояло умереть, чтобы замести следы убийства Ланского и навсегда закрыть тему прохода между рифами. Не ради славы — ради того, чтобы правда не всплыла.

Коваль сложил бумагу, убрал обратно в карман, прижав к сердцу, и подошёл к переговорной трубе.

— Якорь поднять! — рявкнул он, и голос его прозвучал лязгом цепи.

На палубе застучали боцманские свистки, заскрежетал брашпиль, выбирая якорь из воды, но вместо привычного мощного гула газотурбинных двигателей раздался лишь металлический кашель изношенных подшипников.

Турбины, собранные из обломков двух списанных установок, взвыли на последнем дыхании, но топливные насосы уже захлёбывались — давление упало до критической отметки, и Коваль знал: ещё минута, и они встанут намертво.

— Самый полный вперёд! Стопор не снимать, пока не выйдем на боевой курс! — добавил он, чувствуя, как под подошвами кирзачей начинает мелко вибрировать палуба. — Задраить водонепроницаемые переборки! Нижний ярус — герметично!

Идиотская атака мёртвого железа против современных фрегатов была лишена тактической логики, но именно в ней таилась магия обречённых — та самая, что когда-то вела на abordаж парусные корветы, не спрашивая о калибре противника.

Сквозь пелену тумана, подсвеченную снизу отблесками от воды, проступили хищные, размытые силуэты трёх фрегатов. Их пусковые установки дронов уже подняты, стволы орудий главного калибра наведены. Вот вспыхнул лазер дальномера — кто-то на вражеском корабле решил прицелиться лично.

Коваль достал из кармана потёртый «Макаров», положил его на карту рядом с фотографией «Дерзкого». Чёрный силуэт пистолета должен был стать последним доводом в споре с судьбой.

Подошёл Григорьич. Прокуренный до синевы, вечная дрожь в пальцах, сплюнул на железный настил и хрипло выдохнул: — Степаныч, мы не дойдём. Эти «Гарпуны» срежут нас с двадцати миль, как ломтик шпика. Сотрут в порошок вместе с килем, даже гирокомпас не успеет моргнуть.

Угол губ Ковалья дёрнулся вниз, сеть глубоких морщин сложилась в сухую, жёсткую трещину.

Он приказал: — Григорьич, спускайся в балластный отсек. Открывай кингстоны на полный проход и заклини их приводы — чтобы назад не закрыть. Мы пойдём на дно стоя, с поднятым носом. Забыл, как это делают русские офицеры?

Механик кивнул и, не говоря ни слова, исчез в люке трапа. Коваль дёрнул рукоятку машинного телеграфа до упора, одновременно передав команду в рулевое: «Класть руль лево на борт, десять градусов».

Старый корпус, скрипя всеми шпангоутами, медленно разворачивался, подставляя борт волне. Вода перехлестнула через планшир, и тугая струя хлынула в открытые шпигаты верхней палубы.

С кормы фрегата противника сорвался дрон, прорезавший туман низким, воющим звуком, похожим на басовую ноту органа.

— Торпедный аппарат, залп по первому! — скомандовал Коваль.

Торпедисты внизу, понимая, что штатный выстрел невозможен, вручную стравили воздух из баллонов боевого отделения, и тяжёлая стальная сигара, сойдя с направляющих, с глухим ударом ушла в мутную воду. Аппарат работал на честном слове, но выстрел состоялся.

Вдруг в динамике УКВ-связи, сквозь треск атмосферных помех и шипение штормового эфира, раздался голос двадцатилетней давности. Тот самый — лейтенанта Ланского.

Коваль узнал его мгновенно: он слышал этот голос в наушниках «Дерзкого» сотни раз, помнил каждую паузу и ударение. Но сейчас он звучал чисто, без искажений, как будто Ланской стоял рядом, а не находился за тысячи миль, на базе, где служил инженером-связистом.

Коваль на секунду замер — в груди что-то ёкнуло, старый осколочный шрам под рёбрами отозвался тупой болью.

— «Бесстрашный», приём! — пробивался сквозь помехи голос. — Сеть имеет проход по левому траверзу, координаты наношу на вашу карту. Уходите влево, на рифы — между камнями есть коридор, глубина шесть метров, проходим для вашей осадки. Я вас вижу со спутника, повторяю: уходите, пока не поздно!

Коваль вцепился пальцами в край стола. Это был не обман, не подстава. Он узнал шифр — те самые паузы, которые они когда-то отработали на «Дерзком» для экстренной связи: Ланской трижды сделал акцент на слове «проход», и это означало «всё чисто, доверяй».

Но как? Если бумага в кармане утверждала, что Ланской мёртв, то кто сейчас говорил с ним по радио? Он выдохнул, отбрасывая сомнения.

В этом голосе была надежда — или последняя ловушка, расставленная теми же адмиралами. Но выбора не оставалось: прямо по курсу уже заканчивали выкладку сети, и через три минуты они оказались бы в центре смертельной ловушки, без возможности манёвра.

Коваль выпрямился, отбросил карандаш и заговорил в трубку внутренней связи, обращаясь ко всему экипажу: — Всем отсекам! Приготовиться к сильному крену влево. Сбросить

ход до малого, стопорить машины по команде. Мы идём в проход между рифами. Только там мы сможем пережить встречу с их ракетами. Не вздумайте сомневаться — это приказ!

Первая ракета противника упала в воду в двадцати метрах по правому борту, взметнув столб воды, которая обрушилась на палубу ледяным ливнем. Осколки забарабанили по надстройке.

Коваль поднял трубку громкоговорящей трансляции и, перекрывая шум ветра и сирены, произнёс: — Экипаж! Слышите эту музыку? Это играет наш старый флот — гром орудий, которым мы когда-то учились! Мы — последний якорь этой эскадры! Держим курс, пока киль не коснётся дна! Пусть каждый запомнит этот час, потому что он будет последним для многих из вас, но мы не опозорим память тех, кто погиб до нас!

«Бесстрашный», окутанный чёрным дымом выхлопных газов и рваным туманом, медленно, но неумолимо уходил влево, к рифам, которых не было на картах противника. Корабль проседал всё глубже — вода уже захлёстывала шпигаты, и по переборкам пробегала дрожь от касания подводных камней.

За спиной Ковалья, прибитое ржавыми саморезами, продолжало улыбаться выцветшее фото «Дерзкого». Ушедший под воду двадцать лет назад, сейчас он вёл живых. Коваль увидел, как с кормового фрегата противника сорвалась вторая ракета — она летела прямо в мостик, оставляя за собой длинный белый след в сером небе.

За мгновение до попадания он вдавил красную кнопку «Корабль уничтожен», отправляя сигнал для спутниковой разведки, чтобы имитировать полную гибель, и в ту же секунду взрыв выбил иллюминаторы, смял переборки и швырнул его в ледяную, непроглядную воду, где туман смешивался с волнами, а ветер был так, словно сама Балтика оплакивала уходящую эпоху.

Проваливаясь в толщу, Коваль успел подумать о том, что Ланской, жив ли он или уже нет, дал им шанс — и теперь этот шанс нужно использовать, чтобы вернуться и рассказать правду.

Он знал: там, на дне, рядом с останками «Дерзкого», им предстоит ещё одно сражение — против памяти, которая отказывалась ржаветь.

Глава 1. Шторм

Удар о воду выбил из лёгких остатки кислорода. Холод обрушился не как температура, а как физическая масса, мгновенно раздавившая грудную клетку. Балтика в ноябре — это жидкий свинец. Она не остужает, она парализует. Темнота сомкнулась над головой, отрезав вой ветра и грохот взрыва. Под водой звук превратился в тупой, вибрирующий гул рвущегося металла — корпус «Бесстрашного» ломался где-то совсем рядом.

Осознанного страха не было. Для мыслей просто не осталось места в мозгу, сжавшемся до одной пульсирующей точки: кислород. Организм кричал, требуя вдоха, диафрагма судорожно сокращалась в холостом, мучительном рефлексе. Спазм сковал горло.

Тело стремительно шло вниз. Намокшая фланелевка, китель, набитые водой кирзачи — всё это мгновенно превратилось в балласт. Вода сдавливала виски, в ушах нарастал тонкий звон. Разум старого офицера, привыкший анализировать и командовать, погас, уступив место голой, первобытной биологии. Инстинкт выживания не мыслит категориями долга, чести или памяти. Он бьётся в конвульсиях.

Пальцы, уже сведённые судорогой, наощупь рванули пуговицы. Ногти скользили, срываясь о жёсткую ткань. Сбросить китель. Теперь ноги. Кирзачи сидели плотно, вода держала их как вакуум. Коваль изогнулся в ледяной черноте, тратя драгоценные доли секунды, и с силой ударил пяткой по носку другого сапога. Один сошёл, ободрав кожу на щиколотке. Второй. Онемевшие ступни обдало ещё более резким холодом, но мёртвая тяжесть исчезла.

Он рванулся. Мышцы горели, сжигая последние молекулы кислорода в крови. Глаза нестерпимо щипало от соли и солянки, густо разлитой в толще воды. Где верх, где низ — определить было невозможно, оставалась только разница в давлении. Он грёб вслепую, царапая руки о невидимые острые обломки, пока лёгкие не начали разрываться изнутри, готовые сдаться и втянуть воду.

Лицо пробило поверхностное натяжение.

Шторм наверху встретил его не как стихия, а как обезумевшая мясорубка. Ветер, разогнавшийся на открытой воде до девяти баллов, с размаху ударил по мокрой коже, вышибая остатки тепла. Он срывал с волн тяжёлые гребни и швырял эту ледяную пыль в лицо впере-мешку с плотным, косым дождём. Дождь не лил — он сёк. Капли были твёрдыми, как стек-лянная крошка, они впивались в щёки, смешиваясь с мазутом.

Коваль судорожно, с хрипом, больше похожим на звериный рык, попытался втянуть в себя воздух, но ветер тут же забил ему глотку смесью морской пены и пресной воды. Он поперх-нулся, закашлялся. Следующая волна — чёрная, с маслянистым хребтом — обрушилась на него, вминая обратно под воду.

Вынырнув снова, он заставил себя открыть глаза. Вокруг был только ревущий, движу-щийся хаос. Низкое небо окончательно слилось с морем в единую серую массу, лишив про-странство горизонта. Холод, который под водой казался давлением, здесь, на пронзительном ветру, превратился в тысячи игл. Он проникал под кожу, стремительно вымораживая нервные окончания. Пальцы рук уже не сгибались, превратившись в деревянные крючья, челюсти свело так, что скрежетала эмаль на зубах.

Оглушительный вой ветра заглушал всё: не было слышно ни работы вражеских сонаров, ни треска тонущего корабля. Балтика не просто пыталась его утопить. Она методично, секунда за секундой, высасывала из него жизнь, стирая в этой водяной круговерти.

Тело начало предавать. Дикая боль в судорожно сведённых мышцах ушла, уступив место страшному, обманчивому теплу — верному признаку того, что гипотермия добралась до внутренних органов. Мозг, защищая ядро, отключал периферию. Руки двигались всё медленнее, словно увязая в густом киселе. Коваль знал эту стадию: ещё пара минут, и он просто закроет глаза, позволив чёрной воде забрать себя без сопротивления.

Очередной вал — метра три высотой — подхватил его, с силой вытолкнув на самый гребень. Ветер ударил с новой яростью, пытаясь сорвать кожу с лица, но с этой точки обзора Коваль вдруг увидел то, чего здесь быть не могло.

Сквозь рваную, летящую горизонтально пелену дождя проступила тень.

Она была чернее тумана и двигалась наперерез волне. Коваль моргнул, слизывая с губ горькую морскую пену, пытаясь сфокусировать зрение. Это был не кусок оторванной надстройки «Бесстрашного» и не один из вражеских фрегатов. Силуэт не имел угловатых радаров, ракетных шахт или высоких мачт. Плавные, зализанные обводы корпуса, сильно заваленная назад надстройка, острый, режущий волну нос.

Моторная яхта. Крупная, метров тридцать в длину, скорее всего, океанского или экспедиционного класса, с высоким бортом.

Она шла абсолютно вслепую — ни одного навигационного огня, ни света в иллюминаторах. Тёмный, глухой монолит, скользящий между рифами, прямо в эпицентре шторма и в секторе работы военных гидролокаторов. В нормальном состоянии разум старого каперанга взорвался бы десятком вопросов: откуда здесь взяться гражданскому судну? почему оно идёт в режиме полного радиомолчания и маскировки?

Но сейчас аналитический центр был мертв. Остался только рефлекс. Твердая поверхность. Жизнь.

Коваль заставил себя двигаться. Он не плыл — он продирался сквозь воду, используя не мышцы, а какую-то первобытную злость, выскребая энергию со дна резервов. Яхта шла малым ходом, тяжело переваливаясь на встречной волне. Течение от её винтов создавало водовороты, которые пытались затянуть под днище.

Он оказался у левого борта. Гладкий, мокрый стеклопластик, ни единого выступа, за который могли бы зацепиться онемевшие пальцы. Волна швырнула Ковалья прямо на борт — удар выбил воздух, плечо отозвалось хрустом. Вода тут же потащила его назад, в мясорубку под корму, где молотили винты.

Его протащило вдоль борта. Сквозь грохот шторма Коваль услышал низкий гул мощных дизелей. Корма яхты тяжело ухнула вниз, раздавив волну. Показалась транцевая платформа — широкая ступень на уровне воды, которую обычно используют для купания или спуска гидроциклов. Сейчас эта плита работала как гильотина: поднималась на метры вверх и с чудовищной силой обрушивалась вниз.

Попытаться залезть на неё в противофазе — значит получить удар, который ломает позвоночник.

Коваль задержал дыхание, уходя под воду, чтобы не попасть под обрушившийся стеклопластиковый край. Вода вокруг кипела от выхлопа. Как только корма начала движение вверх, он рванулся из-под воды, выбрасывая вперёд негнувшиеся руки.

Пальцы скользнули по гладкому тиковому покрытию платформы. Сорвались. Содрали кожу до мяса. Правая рука нащупала стальную дугу швартовой утки. Коваль вцепился в неё мёртвой хваткой — суставы хрустнули, принимая на себя весь вес тела, отягощённого намокшей одеждой. В следующую секунду яхта накренилась, корма взмыла вверх, и Коваль выдернуло из воды в ледяной, секущий воздух, оставляя болтаться над ревущей бездной.

Плечевой сустав затрещал, принимая на себя нагрузку. Боль резанула от шеи до локтя, прошив онемевшее тело раскалённой иглой. Это было хорошо — боль означала, что он ещё жив.

Корма начала движение вниз. Коваль понял: если он не забросит тело на платформу прямо сейчас, следующий удар о воду просто оторвёт его от стальной утки. Он стиснул зубы так, что во рту появился вкус крови, подтянул колени к животу и, когда палуба пошла навстречу морю, рванулся вверх, перенося центр тяжести.

Удар. Он перевалился через край платформы, ударившись грудью о мокрое тиковое дерево. Вода мгновенно хлынула следом, накрывая его с головой, пытаясь смыть обратно, но Коваль уже распластался на палубе, вцепившись обеими руками в решётку водостока.

Яхта снова задрала нос. Вода с ревом скатилась с транцевой плиты, оставив его лежать на твердой поверхности.

Он попытался встать. Мышцы отказали. Тело, поняв, что смертельная угроза утонуть миновала, мгновенно сдалось. Сердце колотилось в горле рваными, болезненными толчками. Коваль с трудом перекатился на спину, тяжело дыша, глядя в чёрное, разорванное штормом небо. Ледяной дождь продолжал сечь лицо, но здесь, под защитой высокого кормового транца, не было ветра — только глухой гул двигателей, вибрирующий под рёбрами.

Судно набрало ход. По изменению ритма вибрации и тому, как яхта начала резать волну, Коваль безошибочно определил: они вышли из узкого коридора между рифами. Курс — зюйд-вест. В открытую Балтику. Туда, где бушевал настоящий шторм, но где радары фрегатов уже не могли пробить плотную стену помех.

Глаза начали закрываться. Темнота подступала с краёв зрения. Он спасся. Мертвец с мертвого корабля обманул океан.

Вдруг вибрация палубы изменилась. Сквозь шум шторма пробился новый звук — лязг сдвижной двери. Кто-то открыл выход из салона на кормовую палубу.

Коваль попытался повернуть голову, но мышцы шеи сковал паралич. Он увидел только узкую полоску тусклого жёлтого света, упавшую на мокрый тик рядом с его лицом. В этом свете появились ноги в тяжёлых, высоких штормовых ботинках. Человек подошёл вплотную, остановился, возвышаясь над лежащим Ковалем.

Человек молчал. Он не суеился, не звал на помощь, не пытался поднять утопающего. Он просто стоял и смотрел на него сверху вниз, словно ждал, пока тот окажется на палубе.

Коваль собрал последние крохи сил, чтобы приподнять веки. В свете фонаря, который неизвестный держал в опущенной руке, блеснула сталь. Это был не багор и не спасательный круг. Это был длинный, узкий ствол автоматического пистолета с накрученным глушителем.

Ствол медленно, без спешки, поднялся и уставился прямо Ковалю в лоб.

Щёлкнул предохранитель — резкий, металлический звук, который на мгновение перекрыл даже вой шторма.

Коваль смотрел в чёрный зрачок дула, и на его обескровленных, посиневших губах неожиданно проступила кривая, жуткая усмешка. Океан не захотел марать руки. Он передал эстафету.

Темнота окончательно захлестнула сознание за секунду до того, как прогремел выстрел.

Глава 2. Призрак в железе

Вспышка выстрела не принесла темноты. Она принесла запах сгоревшего пороха, ударивший в ноздри сквозь пелену дождя. Коваль не почувствовал пули. Он почувствовал, как чьи-то жесткие руки вцепились в воротник его мокрой тельняшки и волоком потащили по рифленой палубе. Дальше память рвалась кусками. Лязг железа. Спуск по узкому трапу, где его плечо билось о комингсы. Резкий запах сурика и йода. Кто-то навалился на его грудь, прижимая к жесткой шконке. — Держи его, он сейчас дернется! — крикнул незнакомый голос. Сустав правой руки вывернули под неестественным углом. Вспышка белой, ослепительной боли пронзила мозг, когда вывихнутое плечо с хрустом вбили обратно в суставную сумку. Из горла Ковалья вырвался хрип, и только после этого пришла настоящая, глубокая спасительная тьма.

Сознание возвращалось тяжело, рывками, выкарабкиваясь из-под многотонной толщи воды. Сначала появился звук — низкий, ритмичный гул, от которого едва заметно дрожали кости черепа. Затем пришла боль. Она пульсировала в вывихнутом плече, жгла содранные до мяса пальцы и скручивала лёгкие тупым спазмом при каждом вдохе.

Коваль не открывал глаз. Он анализировал.

Он лежал на жёсткой шконке. Поверхность под спиной слегка покачивалась — амплитуда ровная, длинная. Значит, судно крупнотоннажное, идёт малым ходом против волны. Это точно не та моторная яхта, которая вытащила его из шторма — та прыгала по гребням, как щепка.

Воздух был сухим и горячим. Он пах не пластиком современных интерьеров, а густой смесью оружейной смазки, перекалённой изоляции и сурика — той самой корабельной краской, которой на старом флоте щедро грунтовали всё, от переборок до галюнов. Этот запах вьёдался в кожу намертво, его невозможно было спутать ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.